

«НАДО ИДТИ ДАЛЬШЕ»

РОСТОВСКИЙ академический театр имени М. Горького в Ленинград приехал впервые. Семь спектаклей гастрольной афиши составили постановки двух последних сезонов, когда театр возглавил режиссер Александр Слаутский — с его работами в оформлении художников Александра Патранова и Натальи Пальшиковой и знакомятся в эти дни ленинградские зрители. Репертуар сложился таким образом, что все названия, включая гоголевского «Ревизора», практически отсутствуют в сегодняшней афише ленинградских театров и тем более интересны.

НЕ ИНСЦЕНИРОВАЛАСЬ пока еще «Интердевочка» ленинградского писателя В. Кунина — ростовский спектакль привлекает зрителя уже одним названием, всякий раз собирая полный зал. Не идет у нас комедия Александра Копкова «Слон» (у ростовчан — «Золотой слон»), поставлена молодой режиссером Алексеем Климовым — забытая страница советской классики тридцатых годов. Отсутствуют даже такие достаточно ходовые названия, как «Свалка» и «Женский стол в охотничьем зале». Словом, репертуар представлен нам интересный.

Но если драмы А. Дударева и В. Мережко известны хотя бы по выступлениям гастролеров в Ленинграде театральные коллективы, то скажем, со сценическим воплощением пьесы М. Шатрова «Дальше... дальше... дальше!» зритель нашего города знакомится вообще впервые. На нескольких сценных страны она сейчас идет, но Ростовский театр поставил ее первым — премьера состоялась в мае прошлого года — напомним, что шатровская пьеса, привлекающая к себе широкое общественное внимание, породившая споры обществоведов, историков, литераторов, и опубликована-то была только в январском того же года номере «Знамени». Обращение к истории, предпринятое в

жанре политического театра, оказалось максимально злободневным. Ленинградский зритель не мог этого не оценить.

«Такие вопросы не театрами решаются!» — бросает в зал один из выведенных на сцену исторических персонажей. «Но и театрами вводятся в круг обсуждения», — тут же парирует его реплику другой. Первый из них — Сталин, второй — Дзержинский. Среди участников спектакля по пьесе Шатрова — Ленин и Троцкий, Зиновьев и Каменев, Орджоникидзе и Бухарин, Спиридонова и Мартов, Корнилов и Деникин, Керенский — всего двадцать четыре действующих лица с известными именами и биографиями. Портретного грима в большинстве случаев нет. Так, лишь детали костюма, отдельные штрихи исторического облика знакомых по портретам, по кадрам кинохроники людей. Доказывая свою правду (или свою неправду), споря с другими и оставаясь на своем, каждый из них говорит «от театра». Ушедшие из жизни в разные годы и при разных обстоятельствах, все они оказываются по воле автора прекрасно информированными о том, что было потом.

Это дает возможность, воссоздавая «авторскую» версию событий, происшедших 24 октября 1917 года и значитель-

но позже», спорить и судить с позиций сегодняшнего дня, действительно вовлекая в круг обсуждения и зрителей. И зал вдруг взрывается аплодисментами в ответ на прощальные слова Розы Люксембург (арт. Е. Серова) о красном терроре: «Опасность для большевиков начинается там, где временная отвратительная необходимость превращается в постоянную добродетель». Или на слова Ленина (М. Бушнова) о том, что «слепое безыдейное единство, основанное на беспрекословной воле вождя, на личной преданности ему, на отсутствии споров, борьбы мнений, — это страшная слабость партии». Строки статей и книг, бывших инструментами политической борьбы, снова оказываются злободневными семь десятилетий спустя.

И ленинская фраза «Надо идти дальше... дальше... дальше!» встречает сочувственный отклик в зале, вызывая благодарность к театральному коллективу, первым рискнувшему обратиться к такому сложному для воплощения драматургическому материалу, каким представляется последняя драма Шатрова.

В «РЕВИЗОРЕ» ситуация острей до предела, использована парадоксальность более поздних жанровых образований. Вспоминаешь о Дюрренматте, о Петере Вайсе. Скорее всего это трагифарс. Грустный взгляд на самих себя: а так ли мы живем, а ту ли стремимся играть роль, всегда ли удается оставаться самим собой?

Является Хлестаков (А. Сутягин) с докторским саквояжем

в черном плаще. На «фитюльку» он несколько не похож. В ростовском спектакле Хлестаков обращает на себя внимание крупной, осязаемой телесностью. Он необразован, глуп и никчем, но знает; представительный вид и непробиваемое нахальство выведут из любой острейшей ситуации. Вынужден считаться с Осипом (М. Бушнов) — своим знающим и компетентным помощником. Этот, по словам Осипа, «генерал с другой стороны» и в самом деле важная персона.

Для театра важна современная мысль: гладкое исполнение жизненной роли ценится порой больше, чем человеческая сущность. Все, что годится для представительства, то и выходит на первый план.

СОВСЕМ иной мир у героев «Свалки». В бесконечно повторенной музыкальной фразе причудливо соединились бой часов и погребальный звон. Замкнутое пространство отгорожено от большого мира какими-то не то строительными лесами, не то тюремными нарами в два этажа. Топится русская печь, существует пусть удививший, с точки зрения цивилизованного человека, но все же вполне налаженный быт тех, кого на миллийском языке называют божжами. Здесь обитают люди без пристанища, порвавшие привычные связи с обществом, оказавшиеся на дне.

Где-то сквозь строение про-

глядывает недобрая морозная луна, глазам открывается напоминающий лунный пейзаж кладбищенский холм с крестами, весь усыпанный ядовитым белым порошком, — заброшенное, полузасыпанное землей строение находится посреди городской свалки: Каждый из местных старожиллов в какой-то критический момент рассказывает свою историю, раненые души требуют покаяния или исповеди. История у каждого своя — о превратностях жизни или о жестокости общества, в котором не нашлось места слабым и обиженным. У них и имен-то не осталось — только клички: старик Пифагор (В. Доман), Пастушок (Н. Ханжаров), Афганец (С. Меледин), Доцент (А. Сутягин)... Но ведь они — люди!

Драма Алексея Дударева нередко трактуется со сцены как философская притча с евангельскими мотивами, содержащая размышления о доброте и нетерпимости, о вере и безверии, о мудрости и безумии. Основания для этого в пьесе есть. Однако Ростовский театр по такому пути не пошел, прочитав «Свалку» как остропублицистическую драму наших дней, в которой уживаются и быт, и грязь, и политика, и гул истории минувших десятилетий. Порой спектаклю не хватает красок, он неровен по актерскому исполнению, но в главном он все же выигрывает — боль за поруганного человека, нашего с вами современника и соотечественника, не покидает зрителя в продолжении трех часов, которые длится сценическая жизнь героев «Свалки».

В ПРОГРАММЕ и ростовской постановке драмы А. Дударева приведены слова ее автора: «В нашем обществе сейчас наблюдается всеобщее страстное желание вырваться из духовной свалки, на которую мы брошены десятилетиями антинародным злом в нашей Родине и в наших душах». Большинство показанных на гастролях спектаклей — именно об этом.

Л. АНИН

Ленинград, январь - 1989 - 25 июля